

Картинки из детства

*С чего начинается Родина?
С картинки в твоём букваре,
С хороших и верных товарищей,
Живущих в соседнем дворе...*
Л.Ошанин.

Ни мазоли, ни занозы, ни мусоринки...

Худенький ещё незагорелый мальчишка лет четырёх в одних трусиках сидит на берегу залива и будто машину возит по нагретому солнцем песку свою сандалию. Иногда машина останавливается, буксует. Тогда слышится что-то похожее на надрывный шум мотора, и сандалия, подчиняясь уверенной руке мальчишки, скользит то вперёд, то назад, отодвигая в стороны мелкие камешки, сухие кусочки тростника и ракушек. Сегодня, пробираясь между неровностями песчаного пляжа и минуя островки с высокой травой, машина везёт снаряды. Целая куча мелкой гальки громоздится на тёмной, непонятного цвета, с уже сношенной с боков и аккуратно застёгнутой на последнюю дырочку сандалиии...

Родители мальчугана загорают, лежа поблизости на развёрнутом лёгком одеяле. Рядом в тени кустов сумка. Из неё торчат горлышки двух бутылей с морсом и острые концы свежей, только что выкопанной, вымытой моркови нежно-алого цвета. Солнце стоит высоко. В небе ни облачка...

«Может, взять сачок и пойти в воду? Половлю калюшек. Вода прозрачная, и когда такое солнце, рыбки здорово видны... - мальчишка потянулся, задел рукой машину со снарядами, те высыпались на песок. Жалко! Подбили машину, теперь придётся новую гнать. Вот если бы появились облака, тогда сразу становится холодно, и кожа покрывается мурашками. А так - жарко. В воде было бы самое то! В общем, так хорошо рядко когда бывает: ни тебе мозоли на пятке, ни занозы в пальце, ни мусорики в глазу... Даже коленки и те без свежих ссадин! Родители не ругают. Когда такое ещё будет? Пойду в воду! - мальчишка уже почти встал, но чуть-чуть подумав, смекнул: - Нет! Не стоит - заругаются... Сразу начнётся: «Ты такой, ты сякой. Ну, непослушный, короче. После ужина будут чай пить, конфет не дадут. Вот и подумай теперь, нужны тебе эти калюшки? Да и сачок совсем рядом с родичами. Вмиг увидят и всё поймут».

«Раненый»

За день до первого сентября Серёжка заболел гриппом. Горячий чай с мёдом и кипячёное молоко с противными пенками, маслом и содой вынуждали его ежечасно менять мокрое от пота бельё. Пришлось проваляться в постели почти две недели. Здесь же, около подушки, были разбросаны деревянные шахматные фигуры. Он ими играл в войну. Чёрные - наши, белые - немцы. В углу комнаты на спинке стула висела его новенькая школьная форма: выглаженные брюки с гимнастеркой серо-голубого цвета и ремень с блестящей пряжкой, на которой выделялась буква «Ш». Букет из белых астр, приготовленный к школе, завял и теперь лишь напоминал, что идти туда всё равно придётся.

Ещё весной к ним приходил какой-то дядька, долго разговаривал с родителями и, должно быть, уговорил записать сына в первый класс во французскую школу. Во дворе было много детей «призывного» возраста, но их родители боялись отдавать туда своих отпрысков. Что-то было непривычное в самом названии. Кроме того, все знали: раз зовут - значит, жди подвоха. Однако ближайшая школа тоже была не подарок: сплошная шпана, постоянные драки, поножовщина, игра в карты на деньги...

В августе из ближайших домов собрали «семилеток» в зал и там по одному заставляли вслед за учителем повторять французские слова, пытались понять, сможет ли будущий ученик говорить по-французски. Если у ребёнка был хоть какой-то слух, то он мог приблизительно повторить эту абракадабру. Иначе не радовалась бы так приёмная комиссия и особенно тот мужик, что весной ходил по квартирам.

Серёга и так лучше всех во дворе тараторил по-немецки, когда они играли в войну. Не «бу-бу-бу» какое-нибудь, а «хенде хох, хальт, цурюк». Ну, там, «волен зи бите айн сигарет» и тому подобное. Что означало последнее сочетание слов, он не знал, но звучало правдоподобно. Сам он тоже напоминал немца: белобрысый, с голубыми глазами и нос такой ровный и тонкий. Главное, чёлка у него была длинная и набок зализанная. Больше того, он и «стрелял» тоже умеючи. Настоящий сухой с потрескиванием звук очереди из немецкого автомата. Так что же, французский сложнее будет? Хотя этот язык никто из них никогда ещё и не слышал.

Тот длинный дядька, что по весне обхаживал родителей, оказался завучем по французскому языку, и звали его Анатолий Иванович. Он вернулся из Алжира, где шла война с Францией. Знали, что это где-то в Африке, а он там работал переводчиком. После

ранения вернулся в Ленинград и стал всем доказывать, что стране очень нужны специалисты с французским языком. Так три года назад вместо ещё совсем простой женской школы появилась смешанная, французская, с обучением иностранному языку со второго класса и с дополнительным преподаванием на том же языке почти всех привычных предметов. Только история, география и литература были французскими, даже военное дело - с французскими автоматами, самолетами и легионами. И одна на всех математика - хоть на русском, хоть, на французском.

Сергей пришел в школу первый раз только в середине сентября, долго шлялся по этажам, пока не остановился около дверей, на которых висела табличка с надписью «1Б класс». Зазвенел звонок, и слева от входа, вдоль коридора выстроились три колонки учеников. Он узнал многих мальчишек, несмотря на то, что они все ему казались на одно лицо, в форме и с короткими чёлками на стриженных головах. А Вовка и Юрка даже начали подпрыгивать и махать руками, подзывая его к себе. Но впереди всех стояла строгая и очень важная Нинка из соседнего подъезда. У неё на рукаве белела повязка с красным крестом. Для неё ничего не изменилось. Она и раньше во дворе всегда была медсестрой, когда мальчишки играли в войну. Вот и теперь...

Серёжка сразу вспомнил, как он однажды, будучи «тяжело раненым», вдруг отпрыгнул от Нинки и ничком, как убитый, упал на землю. Под ним лежала мокрая, кем-то потерянная, совсем незаметная на мокрой траве серо-голубая пятирублевка. Целое состояние! Потом, уже после «боя», когда вместе лопали купленные на эти деньги тянучки «Золотой ключик», все почему-то хвалили не его, а Нинку. Особенно Юрка. Зато Серёжкина мать потом долго ругала сына почём зря. Мол, где взял такие деньжищи? Продавщицы

ей, конечно, сразу доложили, что в магазин приходил её младший сын и покупал конфеты. Ей всегда всё сообщали про её детей. Про старшего, если тот играл в биту на деньги, и вот теперь - про младшего. Она работала акушеркой в родильном доме, поэтому все женщины, жившие поблизости, её хорошо знали.

Переменка

На вторую переменку Юрка с Вовкой выскочили из класса раньше всех. Они дождались Серёжку, и, обнявшись, втроём влились в общий поток учеников, идущих вдоль стены парами и тройками, потом сворачивающих и продолжающих шествие теперь уже вдоль огромных окон. Оказавшись в дальнем конце коридора, мальчишки остановились, тайком открыли большую дверь и очутились на запасной лестнице. Она была такая же широкая, как и основная, вся из мрамора с закруглёнными краями ступенек, только без длинного ковра вдоль всего пролёта. Юрка весело подмигнул Серёжке, как бы говоря, что пока он болел, они тут зря времени не теряли. Он снял ремень, чтобы тот не тормозил, лёг животом на ступеньки, вытянул вперёд руки, оттолкнулся ногами и начал быстро скользить вниз. За ним последовали и Вовка, и Серёжка. Спустившись, как по эскалатору в метро, они быстро подымались наверх и потом снова и снова съезжали вниз на животе, пока не зазвенел звонок на урок.

Штатное оружие

Это случилось в третьем классе, перед самым Новым годом. Все ровненько сидели в ожидании начала урока. Почему-то вошла не

«француженка», а классный руководитель, учительница математики. Она строго потребовала от мальчишек положить ей на стол все пистолеты, какие только у них есть: деревянные, из проволоки, из пластилина, игрушечные покупные, которые стреляли пистонами. Вообще все! Её можно было понять. Она из прошлой, женской школы. А мальчишки не могли высидеть целый урок, не постреляв хоть чуточку из своего любимого оружия. Конечно, шум этот ей мешал. С непривычки, должно быть.

Мальчишки оружие не отдавали. Тогда училка сама пошла рыскать, с шумом поднимая крышки у парт, где сидел очередной «вооруженный хулиган». Пришлось сдаваться, и ребята медленно потянулись ручейком к столу преподавателя, неохотно, чуть не со слезами складывая на него свой арсенал. Алексей Петров вынул из кармана брюк пластмассовый чёрненький браунинг - подарок дяди из Москвы, и незаметно, смотря в упор в глаза Алёнки, положил его к ней в парту, за портфель. Та, будто партизан, ничего не говоря, закрыла глаза. Её пушистые чёрные ресницы, такие огромные, казалось, доставали своими кончиками чуть ли не до середины щеки. Алексей залюбовался тем, как они подрагивали, и совсем забыл про тягостные приставания «классной».

- А тебе, Петров, особое приглашение нужно? - грозно прошипела математичка и с сознанием выполненного долга направилась к стенному шкафу, унося в руках все собранные пистолеты.

- А у меня нету... - тихо-тихо прошептал Алексей. - Совсем нету. - При этом он поднял руки и покрутил ими так, как это проделывали фокусники, когда хотели продемонстрировать отсутствие каких-нибудь предметов с тыльной стороны ладоней.

- Как это так - нету? Ну-ка, Катенька, - обратилась она к девочке, которая сидела как раз перед Петровым, - Возьми всё, что есть у него, там, в заде, и принеси мне на стол.

Весь класс заржал, а учительница так и не поняла почему. Культура речи её мало волновала. Главное, чтобы всё раз и навсегда отобрать, сосчитать и ровненько сложить в шкафу. Катька заглянула в парту Алексея и ничего не нашла. Явно расстроившись, она с сожалением посмотрела на классного руководителя, молча, развела руками и села на своё место.

- Каждый пусть придёт с родителями, если хочет получить своё барахло обратно, - заявила математичка.

Мальчишки быстро сообразили, что предложение не совсем простое. То есть родителей звать не нужно, если не хочешь вернуть пестик. Ну что ж, не такие уж они и хорошие, если разобраться. Подумаешь, на уроке труда из фанеры выпилили лобзиком и сколотили маленькими гвоздиками. Да и краска только синяя была, какую дал трудовик, такая и пошла в дело. Уроки труда, а потом, в старших классах, ещё и военное дело вёл хороший дядька. Его все любили. Инвалид войны, с тремя орденскими планками на пиджаке. Он всегда радовался, когда они захлеб делали что-нибудь сами. Пистолеты - так пистолеты, всё равно... В общем, решили так: звать родителей в школу - гораздо опаснее. Это большая беда, чем утрата «табельного» оружия!

Ребята играли в войну. Чей-то папа всем делал сабли из веток только что спиленной осины. Они получались, как настоящие, чуть плоские и загнутые. Миша подошёл к мужчине, умело работающему острым ножом, и неуверенно протянул руку.

- Вот! Смотри, для тебя самая красивая получилась, - сказал мужчина, вручая Михаилу «саблю». Мальчишка засунул её за пояс и гордой походкой сразу же отправился домой показать маме. А мать в это время собралась с соседями ехать в Выборг, в магазин, и уже искала сына, чтобы взять его с собой. Они вместе подошли к автобусной остановке, и тут только мать, не дождавшись рассказа о чужом дяде, заметила у сына за поясом огромную палку, волочившуюся по земле. «Оружие» пришлось срочно прятать в траве, в канаве около остановки, чтобы никто его не утащил.

Когда ехали в Выборг, Миша по обыкновению ревел. Укачивало. На обратном пути случилась какая-то метаморфоза. Вроде бы он должен был плакать в автобусе, а он остолбенело сидит, молчит, лицо бледное, напряжённое. Мать даже забеспокоилась. Наверное, что-то случилось, а она не знает - что. Михаил сначала ещё кое-как терпел, а потом, когда они стали подъезжать к дому всё ближе и ближе, совершенно извёлся. Он переживал за свою новую любимую палку. Всю дорогу представлял, как будет её хранить дома, в углу, рядом с вешалкой или между дверями, выходившими на крыльцо, как будет играть с ней во дворе...

Мальчишка первым выскочил из автобуса через переднюю дверь и сразу кинулся на другую сторону дороги, к канаве. Мать ещё только поднималась к выходу, когда услышала страшный визг тормозов и крики пассажиров: «Ребёнок, ребёнок. Там ребёнок!» Огромный самосвал торчал из канавы, его задние колёса повисли над землёй. Они продолжали жутко крутиться как раз в том месте, куда бежал

Мишка. На асфальте остались длинные тёмные полосы от тормозного пути тяжёлой машины. Это было страшно. Оцепеневшую женщину под руки вывели из автобуса. Она не могла ни говорить, ни двигаться. Ошалевший от случившегося, водитель грузовика вылез из кабины и бегал вокруг машины - искал ребёнка.

А в это время на горюшке, сразу за канавой, куда носом уткнулся самосвал, стоял худенький мальчишка с рыжими волосами в белой рубашечке без рукавов и в коричневых штанишках с лямками крест-накрест. Поверх одежды на поясе блестела большая пряжка с якорем посередине. Коленки мальчика были в саадинах, а за широким чёрным ремнём торчала палка. Он стоял, как на посту и, ничего не понимая, смотрел по сторонам. Смотрел на людей, собравшихся возле автобуса, на испуганного и растерявшегося водителя грузовика, на свою мать, которая сидела на скамейке автобусной остановки в окружении женщин, опустив голову, будто спала.

Пончики

Лёня рос обычным дворовым мальчишкой. Футбол, карты, игра на деньги. Домашнее задание - это не для него. Успеет списать в школе перед уроками - хорошо, нет - тоже ничего страшного.

Школьные годы пролетали незаметно, особых знаний Леонид не проявлял, интереса к чему-либо не выказывал, да и поведением тоже не блистал. Частенько прогуливая уроки, он уезжал на трамвае на окраину города, далеко за Финляндский вокзал, в посёлок Озерки. Там лыжники спускались по длинным пологим склонам прямо к большому замёрзшему озеру. В будни народу было мало. Если мелькнёт кто, то чаще всего такой же, как он, прогульщик. Маленькие, не испытывавшие никакого страха или боязни сломать

ногу или руку, они лихо скатывались на простых лыжах с петлёй для ботинка или валенка, частенько подпрыгивая тут и там на самодельных трамплинах.

Вспотевшие и довольные, надышавшиеся чистым воздухом, прогульщики отправлялись в ларёк, где продавали кофе из бачка. Там же прямо за стеклом автомат готовил румяные, горячие пышки. Они выдавливались из трубочки в виде скрученного теста, падали в миску с кипящим маслом, а уж оттуда продавщица их подцепляла вилкой, укладывала ровненько в ряд на большой поднос и посыпала сахарной пудрой. Пять копеек штука. Их брали помногу, так что автомат еле поспевал за аппетитом юных лыжников. Лёнька мог за раз съесть с десяток.

В школе тоже продавали пышки, но холодные, и они почти ничем не пахли. Таких много не съешь! И всё же рубль, который раз в неделю ему давала на завтраки тётка, Леонид тратил исключительно на пышки. Купит штук двадцать и целеустремлённо жуёт целый день, все уроки подряд. Ну, может, одну-две подарит кому. Зато потом всю неделю с утра до позднего вечера ничего не ест. Наверное, потому и тощий такой. Торчал один нос с горбинкой. Непослушные тёмные пряди волос, причёсанных на пробор, ещё больше подчёркивали его длину. Ну, прямо Паганини!

Диалог

В классе на стене висела большущая карта Парижа, которую привёз из Франции учитель истории. Там был виден каждый домик, каждый переулок и, конечно, все архитектурные памятники. Каждому ученику отводился конкретный кусок этой карты, и он должен был все

зазубрить на память. Кто когда что построил, что там сейчас, как туда пройти... Например, как добраться от Нотр-Дам к Триумфальной арке. Или посложнее: от Вандомской колонны до вокзала Аустерлиц. Борьке Степанову достался Латинский квартал, а Вовке Левину - весь район Елисейских полей. Учитель вызвал обоих к доске и предложил экспромтом составить диалог двух случайно встретившихся друзей. Тема простая: здания, строительство, памятники архитектуры, история... Да так, чтобы всё это пересекалось, чтобы «прозвучали» обе части карты Парижа - и Борькина, и Вовкина.

- Bonjour, Boris. Comment sa va? (Здравствуй, Борис. Как живешь?) - сказал Вовка и весело хлопнул приятеля по спине.

- Bonjour, Voldemar (Здравствуй, Володя). - Борис чуть присел от неожиданности, повернулся лицом к Вовке и, насупившись, произнёс первое, что ему пришло в голову по заданной теме: - Et combien d'etages y a-t-il dans votre maison? J ai oublie deja (А сколько этажей в твоём доме? Я что-то позабыл). Степанов принялся с индифферентным видом перебирать пальцы на руке, как бы считая.

Группа взорвалась от смеха. Учитель, как выяснилось, тоже имел довольно развитое воображение, золотая заколка на его бордовом галстуке так и подпрыгивала в такт с всеобщим ликованием. Казалось бы, что особенного? Однако достаточно представить себе, что на самом деле встречаются два приятеля и вдруг, словно больше им не о чем разговаривать, пускаются в рассуждения об этажности своих домов. Любой человек со стороны подумал бы, что это больные или непроходимые дураки.

Инграма

Наши дома в виде бурвы «Г» стояли друг за дружкой. Там, где проход был узким, строили крепость из снега для защиты своего двора от соседей-недрузгов. Рядом, на ничьей земле была помойка, враги забирались на её крышу и оттуда снежками стреляли по нам. Крепость им теперь не мешала. Такой снежок попал мне в голову. Оказалось, в нём был камень. Попало в бровь. Крови!.. Понесли меня в поликлинику. Помню только, как врачи переговаривались меж собой: «Иглы острые? Нет, не очень чтобы... А где острые? Да кто ж их знает!» Короче зашивали рану тупыми иглами, но под наркозом. С тех пор не мог слышать про любое острое. Нож, вилка, острое блюдо - селёдка...

Самолётики

Что за забава! После уроков, вместо кружков по интересам убегать далеко, к Нарвским воротам, потом за Парк в честь 30-летия ВЛКСМ, туда, где стояла заброшенная парашютная вышка. Её железная винтовая лестница вела вверх, а перед самой площадкой проход был заварен листом железа. Приходилось портфель сжимать зубами, перелезать через стальные балки, потом, ступая по горизонтальной рельсине, осторожно продвигаться к крайней балке, крепко обхватить её руками... А если поскользнёшься? Удержишься на руках?.. Под тобой ничего больше нет. Только сто метров стальных нагромождений и земля! Наконец-то нога обхватила образующую балку и ступила на другую, горизонтальную, которая проходила уже после железной двери. Ещё немного прошагать, держась за... А, не за что! Вот так! Хочется, как в фильме «Человек Амфибия», прямо прыгнуть Икhtiандром к обратной стороне двери, схватить руками её ручку... Но, не выпуская портфель из стиснутых зубов, точно не получится! Потому и приходится, как несмышлёнышам пробираться

маленькими шажками к лестничной площадке с другой стороны железной двери. Теперь ещё несколько ступенек, и ты на месте. Перед тобой весь Мир! Вон там раскинулись корпуса Кировского исполкома с кинотеатром «Прогресс», напротив «серп и молот» 384-й школы. Совсем рядом, почти под тобой, Нарвские ворота, жёлтое здание только что построенного метро... Слева, ближе к краю парка, видна какая-то протока, а у берега плот... Завтра поплаваем! А, может, и сегодня успеем...

Теперь вырываем из тетрадей чистые листы. Только бы не перепутать с теми, где домашнее задание и отметка учительницы! Мастерим самолётики и пускаем их в плавание... Они потом долго летят с такущей высоты, аж до Нарвских ворот.

Английский, ноты, пианино...

Молодая учительница сидит в кабинете за столом и пишет отчёт. Дверь тихо отворилась. Из коридора выглядывает улыбающееся лицо. Ровно приглаженные прямые волосы чёлкой нависают над большими карими глазами. Женщина повернулась на стуле и приветливо помахала рукой.

- Биб-библиотека не р-работает... - произнёсло лицо, будто делилось свежей информацией с первым, попавшимся ему на глаза.

- Да, она закрыта уже неделю. Ремонт, - с досадой ответила учительница. - Если очень нужно, я могу попросить - наверное, откроют на полчаса...

- Нет, нет! Не надо, спасибо. Я сам вспомню...

Лицо исчезло.

«Что вспомню? Непонятно. А правильно, что я так участливо отреагировала на его фразу, - подумала учительница начальных классов. - Это же Коленька из 1а, я его сразу узнала».

Мальчик быстрой, радостной походкой удалился в свой класс. Он сейчас, как равный говорил со взрослым человеком. И тот отвечал ему без всяких там «сю-сю». Так редко бывает! «Хорошая женщина! - решил мальчишка. - Красивая. Нужно что-нибудь ей подарить».

Через день после первого разговора с молодой учительницей, Коленька снова заглянул в знакомый кабинет. Там никого не было. Он оставил на столе листок бумаги и стремглав выскочил.

К вечеру учительница, её звали Вера Петровна, как всегда, вернулась к себе в маленькую комнатку, где записывала все задания для учеников на следующий день. Посреди стола лежал листок.

«Это стихи, - первое, что пришло в голову Вере. - Но что за язык? Не то английский, не то... Ничего не понять.

Дверь отворилась, и опять появилось улыбающееся лицо Коленьки.

- Это вам... Стихи...

- Ой! Спасибо! Как здорово! - заинтересованно заговорила женщина.- А что это? На каком языке?

- Ну, это... На английском...

Коленька совсем не хотел, чтобы Вера Петровна усомнилась в подлинности написанного или хотя бы в подлинности его чувств. Поэтому последнее слово прозвучало и как вопрос, и как констатация, и вроде как подсказка.

- А переведёшь мне? Я не очень-то сильна в этом языке.

Мальчишка быстро закивал головой и удалился. Уже через пять минут он вернулся с другим листком.

- Вот! - уверенно, словно после большой проделанной работы, произнёс Коленька.

На бумаге были нарисованы ноты.

«Сильно! Честное слово, это здорово! Какая находчивость, и какие эмоции! - Вера Петровна, впервые после окончания педагогического института воочию убедилась, как обострено восприятие окружающих её учеников-первоклашек.

- Коленька, но это музыка! Это нужно сыграть на музыкальном инструменте. Пойдём в зал. Там есть фортепьяно...

Мальчик совсем расстроился, но, как он считал, не показал виду. Они вместе направились на второй этаж, где в конференц-зале стояло старое чёрное пианино. Коленька шёл, еле переставляя ноги, словно на казнь. Чёрное пианино неотвратимо приближалось.

Ой! - Он вдруг остановился, махнул рукой и радостно воскликнул: - Вспомнил! Пианино не годится... Нужен кларнет.

Я его никогда не забуду...

Сегодня вместо урока математики, Анфиса повела всех в парк собирать жёлтые кленовые листья. Будто мы девчонки! Конечно, пока все шли от школы до парка, мы успели сгонять к вышке, подняться на площадку, пустить самолётики, слезть вниз. Но опоздали. Минут на пять всего-то. Анфиса, она у нас классный руководитель, говорит:

«Идите за родителями и с ними возвращайтесь сюда. Иначе, к уроку не допущу!

«Не фигу себе! Где же мы сейчас возьмём родителей-то? Все на работе! И потом, подумаешь, тоже мне - урок!»

На следующий день первый урок - русский язык, а математичка всё трётся и не уходит из класса. Пришлось пропустить урок. Потом вообще математика - ещё урок... Короче, вызвали нас в учительскую. Типа будут исключать. Ну, постояли, переминаясь с ноги на ногу и потупив взор... Нормально! Куда без нас!

Однако вечером пришлось испытать... Анфиса уверенно поднималась на третий этаж по лестнице моего дома на Турбинке. Она впереди, я сзади. Этот зад я не забуду никогда! Чёрное пальто учительницы раскачивалось из стороны в сторону прямо перед моим носом. С тех пор любая учительница для меня - это вот такая же, как Анфиса. Только одна мысль тогда не покидала меня: «Хорошо, что ещё утром вынул и спрятал все ремни из отцовских брюк! Он сегодня выходной. Брюки ему не нужны, наверняка в физкультурных штанах ходит по комнате...»

Всё равно досталось! Не ремнём, так вешалкой деревянной...

Ранняя профориентация

Ну вот, обосновали! Петька им не товарищ! Да и вообще Пётр Филиппов, сколько его помнили, всегда приносил неприятности, какую-нибудь, пусть маленькую, но беду. Ещё в первом классе он не пришел на праздник, где у всех были расписаны роли литературного монтажа. Тогда Алёнка, говорившая свои слова после него, наверное, минуту стояла и молчала, не понимая, что делать. Как можно

произнести: «Есть коробка у меня...», если до этого не прозвучало: «Нарисую я коня...». Она хлопала ресницами и беспомощно озиралась по сторонам, размахивая коротенькими косичками с белыми бантиками на концах. Она ждала Петькиных слов, и только Вовка Спивак решился. Он уверенно вышел из строя навстречу всему залу, заполненному родителями и преподавателями, и без спросу громко произнёс вместо Филиппова всё, что положено.

До школы родители заставляли Петьку много играть на скрипке и ещё больше читать. В пять лет он уже легко проглатывал всякие взрослые книжки. А в первом классе учительница часто его вызывала к своему столу и оттуда, будто с трибуны, он «с выражением» читал всему классу «Незнайку» или «Волшебника изумрудного города». Маленького роста, тщедушный, с очень большим белым воротником вокруг длинной и тонкой шеи, с октябратской звездочкой на груди. Чуть загнутая, вырезанная из красной фольги, она была прикреплена металлической булавкой прямо к гимнастерке. Широкий ремень с огромной пряжкой подпоясывал форму слишком высоко, где-то совсем рядом со звездочкой. Из-под ремня, будто на девчоночьей юбке, спускались длинные, неубранные складки гимнастерки.

Филиппов сразу почувствовал свою исключительность среди сверстников и всегда старался её чем-то подкрепить. Но чем дальше, тем это становилось всё сложнее и сложнее. Фора, данная ему в детстве, заканчивалась. Уже все умели и читать, и писать, а играть на скрипке вроде бы и не нужно было никому.

Вскоре отделились от остальных явные гуманитарии - любители русской и французской литературы. Группка - человек пять. Точно закрепились в качестве «математиков» Вовка Спивак и ещё две девчонки, которые, хотя и появились в школе с четвёртого класса, но,

тем не менее, по-французски уже могли сносно говорить. Одна пришла в их класс, другая - в параллельный. Начинало сказываться социальное расслоение. Эта дочь балерины, а та - капитана дальнего плавания. У той вообще фамилия двойная и пишется через чёрточку. Большинство же ребят жили поблизости, в коммунальных квартирах, в домах, построенных ещё в тридцатые годы вблизи огромного завода, или в двухэтажках с деревянной лестницей, которые строили пленные немцы сразу после войны. Их даже в первый класс в какую-то «французскую» школу родители не хотели отпускать. Боялись, что потом детей отправят на чужбину, в жаркую Африку, в Алжир, на худой конец - во Францию, прямо в НАТО.

Тогда Петьке, быстро растерявшему свой былой авторитет, больше ничего не оставалось, как начать прыгать с парты на пол, будто в воду, как морской дьявол из кинофильма «Человек-амфибия». Ещё он сам ножницами отрезал воротник у школьного пиджака, отрастил длиннющие волосы и стал похож на Битлов. И поскольку этого было явно недостаточно, он умудрялся во время обеда набрать полный рот горчицы, тихо сидеть пол-урока, а потом повернуться ко всем, медленно открыть рот и с индифферентным видом высунуть язык... Это надо же! Ждать аж двадцать минут ради самоутверждения. Наверное, давали о себе знать усидчивость и терпение, привитые с раннего детства при игре на скрипке. Ну, и, конечно, его звали на подвиг приятные воспоминания о первом классе, когда он был особенным, первым, а может, даже и вообще - главным.

Спивак отдалился первым. Через шестнадцать лет ожидания у его родителей подошла очередь на новое жилье. Всё Вовкино семейство: мать, отец, младшая сестра и он - наконец-то уехали из четырнадцатиметровой комнаты в коммуналке в отдельную квартиру на последнем, пятом этаже, в новом микрорайоне в Сосновой Поляне.

После этого Вовка каждый день опаздывал на первый урок, потому что ехал из дома на электричке, потом остановку на метро и ещё от метро шёл пешком. Он ходил в грязных лыжных ботинках, но его не ругали. Все учителя понимали: Сосновая Поляна - не подарок. Она далеко, и там всегда и всюду непролазная грязь. И зимой, и летом. Туда даже такси не ездят. И он же самый молодой в классе. Его могли не принять в тот год из-за даты рождения - 28 сентября. Но он уже тогда соображал очень хорошо и так несколько раз согнул свидетельство о рождении на месте лишней цифры, что из двух осталась только одна. Ну, такого грех было не взять в первый класс на два дня раньше положенного срока. К тому же, он математик, отгороженный от реальности формулами и теоремами. Задачки щелкает как орехи, так переворачивает всякие сложной формы пирамидки, что любому сразу становилось ясно, как рассчитать их объём. Ему положено ходить в нечищенных сапогах.

Кроме того Спивак посещал в университете лекции, которые читали для старшеклассников всякие чокнутые первокурсники. Они это для себя читали, тренировали правильную научную речь, часами лопотали что-то про комплексные числа, закрытые и открытые множества. Девчонки из школы, которых тоже относили к юным математикам, рассказывали потом, что главное - не что-то конкретное понять, а научиться напрягать мозги и пытаться уследить за логикой лектора. Когда становилось совсем неинтересно - это значило, что слушатель вырубился, уже мышей не ловит и ничегошеньки не понимает. В начале цикла лекций, это происходило почти сразу, к концу - всё позднее и позднее. В том всё и дело!

Учительница математики Вовку всем ставила в пример. Отчасти поэтому другие уроки Спивак вообще не воспринимал. Наверное, кроме французского. Он так и говорил: «Это пустая и никчемная трата

драгоценного времени». Конечно, не хвалят, не ставят пятерки, а только ругают, ругают и ругают. На таких уроках Вовка часто разрисовывал учебники понравившимися ему математическими выкладками, а потом громко и безапелляционно отвечал на замечания учителей: «Книжка м-о-я: что хочу, то и во-ро-чу. Захочу - в печке сожгу». Однажды на уроке истории он также привычно отреагировал на возмущение преподавателя. Только на этот раз вместо алгебраических формул он нарисовал нечто другое. На рисунке «Ленин в Разливе» под вождем пролетариата на месте пенёка красовался большой горшок ярко-синего цвета...

Вовку исключили из комсомола. Родители, чтобы не травмировать психику сына, сразу перевели его в другую школу, тем более, что она была рядом с их новым домом. Но это обстоятельство не повлияло на его планы. Во-первых, на новом месте его «туда» снова приняли. Вернее, отменили предыдущее решение. Взяли на поруки и отменили. Куда бы они делись? А через два года он всё равно, как и мечтал, поступил в университет на матмех. Причём с первого захода. Даже не пригодился заполученный им в первом классе лишний год до призыва в армию.

Он вообще был импульсивный, резкий, совершенно нетерпимый к тому, что его раздражало. Не нравится урок или учитель - всё! Нет его. Отобрали комсомольский значок - да и ладно! Так же он относился и ко всему, что ему нравилось. Он самостоятельно освоил дифференциальное исчисление, за месяц научился играть на пианино двумя руками. Правда, только «Лунную сонату». Только её. Потому что нравилась! Потом сам быстро выучил английский, а уже позднее быстро женился...

А Лисочкин и Богданов по-прежнему были вынуждены каждый день лицезреть друг друга на уроках. Мальчишеская дружба их уже

закончилась, но совместная тайна продолжала давить, то сближая их на время, то - наоборот - отдаляя. Могло ли что-нибудь накрыть их прошлое большим покрывалом и позволить полностью отдаться какому-нибудь новому и большому делу? Все усугублялась нетипичным треугольником: Серёга - Алёнка - Юрка, где все были влюблены как бы цепочкой: Серёжка - в Алёнку, а та - в Юрку.

Более того в отличие от Спивака, да и многих других одноклассников, ни Лисочкин, ни Богданов ещё совсем не задумывались над тем, что они умеют, чего хотят и куда им идти. Как будто время вырезало целый пласт из их жизни, и они снова, как в детстве, играют вместе в войну или ходят по двору обнявшись. Юрка Лисочкин, Серега Богданов и Вовка Спивак. Их матери, будто сговорившись, открывают форточки и зовут домой. Тогда друзья громко запевают всем известную песню - «Три танкиста, три веселых друга...», мамы улыбаются и отстают от них ещё минут на десять...

Подвиг

Однажды в девятом классе, зимой, ночью, на кухне коммуналки, взобравшись в валенках на закрытую железной крышкой газовую плиту, Богданов в полном покое предавался изучению закона Менделеева. Холодильник в виде деревянного шкафа с дыркой под окном не мешал. Валенки и конструкция в виде плиты и табуретки делали своё дело. Соседи спали, и, слава Богу, никто не норовил посреди ночи поставить на плиту чайник.

«Когда не мешают, наверное, всё можно выучить», - задумчиво произнёс Сергей и раскрыл «Метафизику» Аристотеля вместо учебника химии. Когда предстояло что-нибудь сложное, он всегда под

рукой имел до боли простые вещи: телевизионную программку или вот как сейчас... «Вот, где все ясно, и ничего не нужно доказывать. Не зря этого Аристотеля ЮНЕСКО считает самым умным мыслителем всех времен...», - подумал Серёга. Пребывая в хорошем настроении и млея от комфорта, Богданов полностью забыл, зачем пришел на кухню, и о том, что завтра будет контрольная. Вобщем-то, ему было на неё наплевать. При любом раскладе получил бы он свою тройку. А может и четвёрку... «А может и собаку, а может и... козу!» Серёга тихо затаил нечто похожее на песенку. Он предавался мечтаниям.

А вот если бы во втором классе мне не поставили двойку в тетрадке, если бы из-за этого не пришлось делать домашнее задание не дома, а на подоконнике лестничной площадки и я не получил бы потом за него кол... Он помечтал ещё немного про то, что бы было, если бы... Ведь он даже мог бы стать отличником. Как Валька Прохорова или Танька Бадарина, с которой за первой партой в левой колонке неизменно все школьные годы просидел Лисочкин. Вот эти две девчонки всегда были готовы пойти к доске и с какой-то патологической радостью отвечать домашнее задание. «Какие несчастные люди! - с искренним сожалением подумал Богданов. - Им незнакомы переживания человека, который ничего не знает, а идёт на урок, как на подвиг, где каждую секунду его ждёт провал. Быть троечником - большое искусство. Суметь вывернуться, изловчиться, ответить хоть что-нибудь. Ровным, спокойным голосом начать излагать решение задачи, которую совсем не знаешь, как решать...